

ПРОЩАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ*

В. Г. ЛАШКЕВИЧ

THE FAREWELL LECTURE

V. G. LASHKEVICH

Мм. Гг.! Я просил вас собраться, чтобы побеседовать с вами в последний раз. На следующий год вы переходите в госпитальные клиники, а еще через год в качестве врачей выйдете на жизненное поприще. Доведется ли мне встретиться с вами когда-нибудь в жизни, Бог знает! Мое слабое здоровье, частые недомогания и притом в таком возрасте, когда причиняемые болезнью расстройства с трудом выравниваются,— все это не дает мне права рассчитывать на долговечность; поэтому мне хотелось бы заключить наше научное общение разъяснением того, что такое врач и какова его роль в обществе. То, что вы по этому поводу услышите от меня, есть *visum et repertum* (лат. увиденное и открытое) моего личного опыта, оно же проверено и опытом других. Если бы я имел удовольствие знать вас раньше и если бы вы, прежде чем посвятить себя медицинскому поприщу, обратились ко мне за советом, какой факультет для себя избрать, то, конечно, я не посоветовал бы вам избрать медицинский; я рекомендовал бы вам посвятить себя изучению другой специальности, требующей меньше труда, менее ответственной и не вынуждающей вас на такие жертвы, доходящие подчас до риска личным здоровьем, как медицина. Быть может, вам будет странно слышать все это от меня, клинициста, представителя практической медицины? Послушайте поэтому, что говорит известный и авторитетный автор Зондеррегер. Вот его слова: «Ничего нет возвышеннее и красивее на земле человека; он составляет самую возвышенную и трудную задачу для мысли и деяний; его бытие и смерть, его жизнь и страдания — все это в высокой степени замечательно. Зоркий глаз и тонкий слух должен ты иметь; большой дар наблюдения, терпения и опять терпения для бесконечного научного труда, светлую критическую голову и железную волю, окрепшую в нужде, и при этом теплое сердце, способное понимать и сочувствовать всякому горю, нравственно-религиозную строгость, которая возвышается над чувственностью, корыстью и честолюбием, а также приличную

В. Г. Лашкевич

внешность, приветливость в обращении, здоровье тела и души,— все это ты должен иметь, если не желаешь быть плохим и несчастливым врачом. Ты должен носить верблюжье бремя всезнания и сохранять поэтическую свежесть души. Медицина должна составлять для тебя все: она должна быть твоей религией и политикой, твоим счастьем и несчастьем. Никому поэтому не советуй быть врачом! И если кто-нибудь пожелает этого, отклони его; отклоняй настойчиво и повторно! Если же, несмотря на это, он все же будет настаивать на своем желании быть врачом, тогда уступи и дай свое благословение. Можно надеяться, что такое пламенное желание принесет свои плоды». Так говорил Зондеррегер в своем известном сочинении, озаглавленном: «Vorposten der Gesundheitspflege im Kampfe um's Dasein der Einzelnen und ganzen Völker» (нем. «Форпосты сбережения здоровья в борьбе за существование отдельных личностей и целых народов»). И если высокий идеал врача, начертанный им, заставляет автора предостерегать многих от медицинского поприща, то с другой стороны, суровая реальность жизни врача заставляет делать то же самое. Я не скрою от вас, что на жизненном пути вам придется более видеть терний, чем роз. В нашем отечестве, где умственный труд не высоко ценится, врачу приходится подчас весьма тяжело: от него требуют очень многого, вечной готовности при исполнении своих обязанностей, а между тем отказывают ему и в том внимании, каким пользуется почтовая лошадь, законом огражденная от излишнего труда. Я уже не говорю о той несправедливой оценке деятельности врача, которую постоянно приходится видеть на практике, где успех выпадает не на долю знания и честного труда, а часто составляет удел полужнания и — *sit venia verbo* (лат. с позволения сказать) — шарлатанства. Врач, удачно излечивший какого-нибудь вельможу от застарелой болезни, пользуется славой, почестями, на него льется золотой дождь; но врач, излечивший бедняка от более трудной болезни и притом при невыгодных условиях, имеет лишь одну награду —

* Печатается по изданию: Клинические лекции профессора В. Г. Лашкевича.— Выпуск I.— Харьков, 1888. Орфография исправлена в соответствии с современными требованиями.

благодарные слезы излеченного. Учитесь поэтому ценить эти слезы выше всего на свете! Они будут для вас источником живой и благородной энергии, они же будут элементом, примиряющим вас с неприглядною действительностью. Кто не чувствует себя способным дорожить этими слезами, тому лучше не быть врачом! Нужно любить свое дело не ради материальных выгод, а ради той высокой, нравственной роли, той просветительной мысли, какую врачебная деятельность вносит в жизнь, поэтому приниматься за практическое дело врача нужно достаточно подготовившись, а такая подготовка приобретает самостоятельную деятельность. Ввиду этого я советую вам по окончании вашего университетского образования работать в госпиталях, клиниках, больницах — вообще там, где бы вы могли закрепить, пополнить и расширить практические ваши сведения, имея в своем распоряжении материал для научных наблюдений. Старайтесь тут же выбирать специальность согласно склонности вашей к той или другой отрасли медицины. Но не забывайте при этом, что всякая специальность есть только ветвь главного дерева, есть часть целого. Она остается плодотворною только тогда, когда находится в живой, органической связи с самим деревом, когда она не оторвана от общего; этого не следует упускать из виду, иначе легко впасть в ремесленность. Посещение медицинских учреждений как отечественных, так и зарубежных весьма полезно для начинающего врача, оно вырабатывает в нем научную самостоятельность и, так сказать, личную научную равнодействующую. Конечно, такое посещение не всем доступно. Суровая необходимость заставит, быть может, многих из вас приступить прямо к практической деятельности; тут потребуются вам и книга, и добрый совет ваших товарищей, уже понавыкших в медицинской практике. Заботьтесь больше всего о хороших отношениях со своими сотоварищами, это облегчит вам многое, необходимое для вашего умственного развития. Не всякий располагает средствами, чтобы иметь свою собственную библиотеку, свой микроскоп и т. д. Но, что трудно одному, легко дается многим; сохраняя хорошие отношения между собой, вы можете составить научные компании, и таким образом *unitis viribus* (лат. соединенными усилиями) приобретать и книги, и инструменты.

Случаи из практики, окончившиеся летально, особенно тяжело падают на душу молодого врача. Они обыкновенно помнятся очень живо и заслоняют собою и счастливые по своему исходу случаи. Нередко приходится видеть врача, который, горько жалуясь на свою бесплодную деятельность, исчисляет свои неудачные случаи и забывает те, где он принес несомненную пользу. Такое пессимистическое воззрение на собственную деятельность, помимо того что поселяет в душе тяжелые страдания, вместе с тем парализует энергию к деятельности. Всеми мерами вы должны противодействовать такой научной неврастении! Я укажу

вам одно очень верное против нее средство, это именно: ведение журнала всех лечившихся у вас больных с подробным обозначением хода и исхода болезни. Подводя итоги за известный период времени в вашем журнале, вы сразу увидите, что деятельность ваша не бесплодна, что в большинстве случаев вы принесли очевидную пользу, и это сразу поборет ваш пессимизм. Вы догадываетесь, вероятно, что такой журнал полезен и в другом отношении: отмечая средства, к которым вы прибегали при лечении в той или другой болезни, вы убеждаетесь в их терапевтическом значении и через это вырабатывается у вас своя клиническая фармакология. Кроме того, вы имеете возможность при посредстве ваших журналов проверять личные ваши наблюдения с наблюдениями ваших товарищей и делиться между собой вашим научным материалом. Все это в высокой степени важно. Не могу не указать на одну особенность почти всех молодых врачей, это именно: на стремление их скопляться в больших центрах, хотя бы без дела. И неохотно принимать за деятельность врача земского — врача для народа.

Правда, служба земского врача не легкая, хлопотливая, но зато нигде деятельность врача не выступает с такою отчетливой благотворностью, как в земстве. Здесь врач является настоящим проповедником научного евангелия среди бедного и невежественного класса людей. От него они научаются жить гигиеничнее, опрятнее и воздержаннее; врач знакомит их с губительными последствиями пьянства, научает улучшать пищу, правильно ухаживать за детьми, лечить их недуги и поселяет в них доверие к науке. О нем можно сказать, что он есть соль земли, есть свет для темного невежественного люда. Он же есть и страж нарождающегося поколения. Это ли не почтенная деятельность, это ли не высокая роль? Тот, кто выполнит ее честно, может под конец своей жизни со спокойной совестью сказать: *nunc demittis servum tuum, domine* (лат. теперь отпускаешь раба твоего, Господи). Кажется, я не пропустил ничего, что хотел сказать в нынешней беседе. Позвольте в заключение проститься с вами! В русском народе выработался обычай говорить при расставании: прости, прощайте. Смысл этих слов, по-моему, тот, чтобы забыты были при расставании те недоразумения, те неприятности, которые зачастую возникают между людьми при тесном соприкосновении их между собою, и чтобы расстающиеся сохранили лишь хорошие воспоминания о вместе проведенных днях. Не поминайте лихом — поясняет свою мысль русский человек при разлуке с близким. Поэтому и я чувствую живую потребность сказать вам: прощайте и не поминайте лихом. Быть может, я, как больной человек, был нетерпелив, излишне раздражителен; быть может, я не принес вам пользы в том объеме, в каком вы вправе были ожидать от меня. Все это прошу простить. Для пояснения же дела позвольте вам привести на память известную латинскую басню

об охотнике и его собаке. Вот содержание этой басни: «У охотника была собака быстрая, сильная, с зорким глазом и острым чутьем; эти качества делали собаку весьма пригодной для охоты. Охотник всегда был доволен услугами своего любимого друга; но проходили годы и время оказало свое действие на собаку: притупилось зрение и чутье, ослабели силы, а с ними и проворство. Собака

стала неузнаваема. Однажды охотник, выведенный из терпения неловкостью собаки на охоте, стал наказывать ее; в ответ на это престарелая собака сказала ему: «За что наказываешь ты меня? Ведь не сердце мое изменило тебе, а силы мои». Это же самое я хочу сказать и вам, расставаясь с вами: «Не сердце мое изменило вам, а силы».